

**Задания заключительного этапа 16 Всероссийской олимпиады
школьников по литературе**

10 класс

1 тур

Комплексный анализ художественного текста

А.К. Толстой

Артемий Семенович Бервенковский

Я вспомнил, как двадцать лет тому назад, когда я спешил по большой дороге в Кириллов, передняя ось моей брички переломилась, и я принужден был остановиться. Оглядываясь во все стороны, в надежде найти какое-нибудь пристанище, увидел я верстах в двух от дороги какое-то странное здание, похожее на ветряную мельницу, но необыкновенно сложного механизма. Я направил к нему шаги и вскоре очутился перед красивым господским домом со многими флигелями и пространным садом; тут же показалось мне скрытое доселе высоким холмом красивое село. Странное здание непонятной архитектуры находилось на самом холме, в близком расстоянии от дома. Старый дворецкий, стоявший у входа, сказал мне, что имение это принадлежит Артемию Семеновичу Бервенковскому. Просьба моя – послать людей для починки брички – тотчас была исполнена; но когда я спросил: нет ли в селе постоянного дома, где бы мне остановиться, дворецкий всплеснул руками.

– Батюшки! – вскричал он, – да господский-то дом на что? Да Артемий Семенович меня изволит прогнать вподзатыльцы, если я вас теперь отсюда выпущу. Нет, сударь, извините, а уж вы у нас должны денька два погостить.

– Как, – спросил я, удивленный таким радушным приемом, – да ты меня, верно, за кого-нибудь другого принимаешь?

– Как за другого? – сказал старик, и морщины его лица несколько сгладились под добродушной улыбкой. – Да за кого ж другого мне вас принимать, сударь: ведь вы, верно, проезжий?

– Именно проезжий.

– Так уж не прогневайтесь, а у нас такой обычай: извольте недельку здесь прожить, а потом, пожалуй, ступайте себе с Богом!

Я попросил, чтоб обо мне доложили хозяину.

– Вот-та! – сказал дворецкий, – что ж тут докладывать! Ступайте себе в гостиную; только теперь Артемий Семенович изволят гулять нагишом, так не угодно ли отдохнуть на диване или чего-нибудь покушать? Они скоро воротятся.

– Артемий Семенович гуляет нагишом? – спросил я.

– Точно так, – отвечал хладнокровно дворецкий. Я невольно засмеялся; но дворецкий продолжал, как будто ничего не замечая:

– Теперь четверть шестого. До шести часов Артемий Семенович будет гулять; от шести до половины седьмого они изволят кричать; а потом, – прибавил дворецкий с тяжелым вздохом, – они будут заниматься механикой.

– Как? – спросил я с возрастающим любопытством, – Артемий Семенович кричит всякий день от шести часов до половины седьмого: ровно полчаса?

– Не всегда, сударь; иногда они изволят кричать целый час, но только в сырую погоду.

– Но разве, – спросил я, несколько запинаясь, – Артемий Семенович немного... того? – Я повертел пальцем над головою.

– Что вы, что вы, батюшка! бойтесь Бога! что вы это говорите... еще этого нам не доставало!... – И на глазах старика навернулись слезы.

"Чудак же твой барин!" – подумал я.

Мы вошли в гостиную. Дворецкий меня оставил и побежал за чаем, а я подошел к окну. Оно отворялось в сад. Не прошло пяти минут, как мимо окна пробежал человек средних лет, которого вся одежда заключалась в парике и в башмаках; у него, сверх того, были часы на золотой цепочке. Увидев меня, он мне дружески кивнул головою и сделал рукою успокоительный знак, как будто говоря: не беспокойтесь, любезный друг, я скоро возвращусь.

Он исчез между деревьями; но через несколько времени явился с противоположной стороны, прикрывая этот раз наготу свою большим подсолнечником. Он вторично пробежал мимо окна, кивнул мне головою и скрылся. Явление это повторялось довольно часто. Наконец Артемий Семенович остановился, посмотрел на часы и стал кричать самым ужасным голосом. Я думал, что весь дом сбежится на его крик, и сам не мог утерпеть, чтоб не двинуться вперед, спеша к нему на помощь; но Артемий Семенович сделал известный уже мне успокоительный знак рукою и продолжал кричать. Иногда он посматривал на часы и наконец замолчал, почти выбившись из сил. Кряхтя и запыхавшись, вошел он в комнату, бросился в мои объятия и крепко прижал меня к сердцу.

– Извините, – сказал он, – извините, почтеннейший, что заставил вас так долго дожидаться! Не угодно ли вам чаю или не прикажете ли чего другого? Ух, утомился! Трепетинский! – продолжал он, обращаясь к вошедшему с подносом дворецкому, – давай скорей чаю! Что ж это ты, братец, голодом моришь дорогого гостя! Ух, устал! Ух, Боже мой!... Не сердитесь, почтеннейший, дайте дух перевести!

– Несу, сударь, несу! – отвечал Трепетинский, ставя на стол поднос с чайным прибором, – несу, батюшка, несу, несу!

Между тем Артемий Семенович осыпал меня учтивостями и расположился возле меня на диване. Он был высокого роста, хорошо сложен и глаза имел быстрые и умные.

– Представьте себе, почтенный друг, – сказал он, скрестив одну ногу на другую и облокотясь на подушки дивана, – представьте себе, что я этак каждый день осужден утомляться! Боже мой! что за жизнь, что за жизнь, как подумаешь...

– Но позвольте спросить, – заметил я, – для чего вы...

– Для чего? Для здоровья, почтеннейший, для здоровья! Человеку нужен motion, вольный воздух, регулярная жизнь. Сильный крик расширяет легкие, – это всякий знает, но никто на это не обращает внимания. Когда вы у меня несколько поживете, мы будем вместе бегать в саду и кричать: вы увидите, как это полезно.

– Покорно благодарю, – сказал я, – но мне никак нельзя остаться у вас долее завтрашнего дня; я так спешу...

– Пустое, почтеннейший, пустое! Мне еще нужно обо многом с вами потолковать. Вот, например, что вы скажете об этом?

Тут Артемий Семенович отворил большой шкаф и стал вынимать из него какие-то запыленные модели, похожие на то необыкновенное здание, которое я видел на холме возле дома. По мере того как он вынимал эти модели, он ставил их на стол *под ранжир* и вскоре совсем его загромоздил.

- Что это такое? – спросил я.
- А как бы вы думали? – сказал Артемий Семенович.
- Мельница?
- Как бы не так!

Тут вошел Трепетинский с какими-то наливками; увидел модели, вздохнул и печально покачал головою.

– Это, сударь мой, – продолжал с довольным видом Артемий Семенович, – это, сударь мой, коли вы слышали, все разные *перпетуум мобиле*!

Я не мог утерпеть, чтоб не улыбнуться.

– Мне кажется, – сказал я, – что *перпетуум мобиле* значит вечное движение; а модели ваши стоят неподвижно.

– Вот то-то и штука, – отвечал Артемий Семенович, нисколько не смешавшись, – они стоят неподвижно, потому что я еще не отыскал для них удобного движителя; но дайте срок, у меня здесь (он ударил себя по лбу), у меня здесь сидит такая выдумка, о которой вскоре заговорят в Европе! А *propos*¹, вы сочинитель?

– Нет, я живописец.

– Живописец! – вскричал радостно Артемий Семенович. – Пойдемте со мною.

Он схватил меня за руку и потащил в другую половину дома. Она была убрана прекраснейшими картинами италийской и фламандской школы. Артемий Семенович начал говорить о живописи, и я был удивлен его здравым суждением и глубокими познаниями. Он говорил с жаром истинного любителя; но заключение его разговора меня удивило.

– Все это, однако, – сказал он, – дрянь в сравнении с механикой! Я вам сейчас покажу изобретенную мною водоочистительную машину.

Он схватил меня за руку и опять потащил за собою.

– Посмотрите, – сказал он, подымая крышу машины, – посмотрите, какая в ней грязная вода. Я нарочно велел влить в нее воды погрязнее. Теперь смотрите, какая выйдет вода из крана: кристалл, чистый кристалл!

Он повернул кран, но из него выбежала такая же грязная вода, какая была в машине.

– Это ничего, – сказал Артемий Семенович, – если ее раза два процедить, она будет совершенный кристалл! Но не хотите ли посмотреть на мой вертел?

Мы пошли в кухню. Какие-то колеса и шестерни сцеплялись вместе и занимали почти всю комнату. Три человека с большим трудом вертели огромный цилиндр и приводили в движение железный прут, на котором перед огнем жарился цыпленок.

– Каково? – сказал хозяин дома, потирая руки.

– Кажется, – заметил я, – механизм немного сложен. Этим бедным поваренкам, должно быть, несколько тяжело!

– Помилуйте! тем лучше, что тяжело. Моцион, почтеннейший, моцион! О! у меня ничего не забыто, одно истекает из другого. А посмотрите-ка сюда: пока цыпленок жарится, здесь сбивается масло, а тут рубится зелень. У меня на риге есть веялка, которая вместе и веялка и орган! Но это еще ничего; пойдемте-ка в мою спальню. Что, вы думаете, это такое?

– Треугольная шляпа?

– Совсем нет: рукомойник! А это?

– Скрыпка.

– Как бы не так! Это дорожный ящик с бритвами. А это?

¹ Кстати (фр.).

– Пистолет.

– Хорош пистолет! Это чернильница, чернильница, милостивый государь, чернильница!

Артемий Семенович еще много показывал мне предметов вроде скрипки и рукомоЙника. Когда подали ужин, он наскоро надел парик и шитый кафтан и сел со мною за стол. Не знаю, вся ли его кухонная посуда была устроена вроде вертела, но ужин показался мне отличным. Артемий Семенович был очень веселого нрава. Он много в своей жизни читал; знал несколько иностранных языков, и разговор его, когда он не касался механики, был как нельзя более занимателен.

Мы расстались уже поздно. Отведенная мне комната была чиста и покойна; белье на постеле тонко и бело; перина раздувалась очень приманчиво; но, признаюсь, я лег на нее не без боязни: мне казалось, что при первом прикосновении она превратится или в воздушный шар, или в какую-нибудь водоочистительную машину. Опасение мое, однако, было напрасно, и я уже предавался приятному сну, как меня разбудил вошедший на цыпочках Трепетинский.

– Извините, сударь, – сказал он, – я пришел просить вас о важном деле!

– Меня?

– Да; о таком важном, – продолжал старик, упав на колени и целуя мою руку, – о таком важном, что я отдал бы остаток жизни, лишь бы вы, батюшка, исполнили мою просьбу.

Я смотрел на него с удивлением.

– Вот, извольте видеть, сударь, – продолжал он, – прогневили мы, видно, Господа Бога! Покойный Семен Артемьевич, – дай Бог ему царство небесное, – оставил нам именнице порядочное: семьсот душ, батюшка, да капиталу тысяч триста в ломбарде; кажется, всего довольно! Только уж разорит нас проклятая механика, вижу, что разорит! Особливо эти распроклятые *петумобели*, провалиться бы им сквозь землю, прости меня Господи! Знаю, батюшка, что грешу, а не могу не ругать этих *петумобелей*! Не знаю, кто их выдумал! Виданное ли это дело, сударь, чтоб молодой, богатый барин день и ночь просиживал над этими колесиками? и какой от них прок? Уж добро бы Артемий Семенович делал машинки для воды или вертелы, ну, скажут, страсть, – вот и все! А то что за *петумобели*? к чему они? Да уж пусть бы они делали одни маленькие, а то изволили видеть, – на горе стоит, словно мельница ветряная.

– Как, – спросил я, – и это...

– И это *петумобель*, и в селе есть *петумобель*, и в хуторе *петумобель*, и везде-везде *петумобели*! Сто тысяч на них убили! сто тысяч, батюшка, легко сказать! Ах, Боже мой, Боже мой! прогневили мы Господа!...

Старик закрыл лицо руками и горько заплакал.

– Что же ты хочешь, чтоб я сделал?

– Батюшка! – вскричал Трепетинский, – отец родной! сделайте божескую милость, уговорите Артемия Семеновича, чтоб они бросили свою механику. Не доведет она нас до добра, ей-Богу, не доведет! Пусть лучше играет он в карты, прости меня Господи! Пусть заведут псовую охоту или что другое, только не механику! Артемий Семенович вас полюбили, я по всему вижу; может быть, они вас послушаются; а коли послушаются, так я вам буду вечный слуга, и Бог наградит вас на том свете!

Я обещался бедному старику исполнить его просьбу. Он вышел, осыпая меня благодареньями; но через несколько времени опять воротился.

– Уж если, – сказал он всхлипывая, – вам не удастся уговорить Артемия Семеновича, чтоб они совсем бросили механику, так пусть, по крайней мере, обещают вам делать одни только *сюрпризы*. Мало ли какие можно выдумать?

Намедни они изволили сделать сапоги с флейточками: как наденешь, так и заиграют; это, по крайней мере, *сюрприз*.

И старик вышел, утирая глаза кулаками. На другой день, за кофе, я покусился было уговаривать Артемия Семеновича, но он меня перебил:

– Вы видите этот кофейник? – сказал он. – Я изобрел его в прошлом году и довольно над ним промучился; зато посмотрите, какой кофе!

К несчастью, кофе никак не хотел протекать, и Артемий Семенович принужден был велеть подать обыкновенный кофейник. Впрочем, это его нисколько не смутило.

– Надобно будет, – сказал он, – придумать только третье сито. Я уж знаю, как это сделать, и тогда вы увидите, что будет за кофейник!

После кофе Артемий Семенович повел меня в село и заставил любоваться на крыши, построенные таким образом, что они при первом толчке распадались на части. Это, говорил Артемий Семенович, сделано на случай пожара. Правда, что во время дождя сквозь крыши эта вода протекает прямо в хаты; но Артемий Семенович говорил, что это ничего и что свежесть воды весьма полезна для здоровья.

Таким образом, добрый мой хозяин толковал в свою пользу все неудобства, сопряженные с его выдумками. От крыш пошли мы смотреть мельницу, и тут-то изобретательный ум Артемия Семеновича показался во всем своем блеске. Ничто в его мельнице не походило на обыкновенную: жернова, вместо того чтобы лежать горизонтально, стояли перпендикулярно; водяное колесо снабжено было каким-то черпательным снарядом, потому что Артемий Семенович хотел, чтоб оно вместе и мололо, и проводило воду в какой-то отдаленный хутор, который, впрочем, в воде не нуждался.

– Видите этот пруд? – сказал Артемий Семенович, – хотите, я в две минуты его выпущу?

Он дернул за веревку – и действительно, не прошло двух минут, как весь пруд выбежал через несколько шлюз и явилось тинистое дно, на котором запрыгали караси и окуни, показывая свои белые брюшки. Этот опыт был изо всех самый удачный. Артемий Семенович от радости потирал руки. Он предложил мне также в пять минут разобрать мельницу, но я попросил позволения еще раз взглянуть на его картины, и мы возвратились домой.

После обеда Артемий Семенович бегал по саду в одном парике и башмаках и кричал полчаса. Потом мы вместе пили чай и весело провели вечер. Я намекнул на свой отъезд, но он не хотел о нем и слышать.

На другой день я принужден был осматривать разные *перпетуум мобиле*, кроме одного, большого, стоявшего на горе. Его мне Артемий Семенович не показал, вероятно, чтобы я сам не воспользовался его мыслью прежде, чем она приведена будет в исполнение.

Следующий день во всем подобен был предшествовавшему. Но лишь только я заговорил о своей бричке, Артемий Семенович показывал мне какую-нибудь машину и перебивал мою речь.

Я решился уехать тихонько; но попытки мои отыскать свой экипаж были тщетны: мне всегда отвечали, что он еще чинится.

Однажды Артемий Семенович объявил мне, что бричка готова и что я могу ехать.

– Но прежде чем отпущу вас, – прибавил он, – я хочу показать вам свой лабиринт. Пойдемте со мною.

Мы пришли в сад к круглому месту, где множество дорожек сплетались, путались и пересекали одна другую. Пространство между дорожками засажено

было кустами; но так как лабиринт только что заводился, то кусты не успели разрастись и можно было, стоя в середине, видеть конец лабиринта.

– А ну-ка, почтеннейший, попробуйте-ка сюда войти, – сказал мне Артемий Семенович.

– Но уж я велел закладывать, – отвечал я.

– Ничего, ничего, почтеннейший; сделайте милость, посмотрите мой лабиринт.

– Да я его и так вижу.

– Ну, уж сделайте милость, войдите!

– Зачем? – сказал я, предчувствуя какую-нибудь измену.

– Ну, я вас прошу!

– Право, не хочется!

– Душенька, миленький, пожалуйста!

Я не захотел огорчить Артемия Семеновича и, собравшись с духом, вошел в его лабиринт. Артемий Семенович стоял у входа, и только что я добрался до середины, он захопал в ладони.

– А ну-ка, почтеннейший, – сказал он, – посмотрю я, как вы отсюда выберетесь!

– Полноте шутить, Артемий Семенович, я, право, спешу; сделайте милость, покажите мне дорогу!

– Чтоб я показал вам дорогу! Нет, почтеннейший, посидите-ка здесь до вечера; а завтра, после кофе, поедете. Я теперь поправил свой кофейник: вам надобно его посмотреть.

– Не хочу я смотреть на ваш кофейник! – сказал я, теряя терпение. – Вот уж неделя, как вы держите меня здесь Бог знает зачем! Скажите мне, как отсюда выйти, или я сам найду дорогу!

– А ну-тка, ну-тка!

Тут я, без всякого уважения к замысловатому лабиринту, начал шагать через кусты поперек дорожек и вскоре очутился на чистом месте, подле Артемия Семеновича.

При виде решительного моего поступка Артемий Семенович очень смешался, и сильная досада изобразилась на добродушном лице его.

– Ну уж, почтеннейший, – сказал он, – этого я никак от вас не ожидал, никак-таки не ожидал! Могу сказать, что вы первый таким образом выходите из моего лабиринта! Скажите, после этого к чему же лабиринт? Кажется, я довольно долго ломал над ним голову; дорожки спутаны, как гордиев узел. Вы бы до завтра их не распутали...

– Александр Великий разрубил гордиев узел, – отвечал я, направляя шаги к дому.

– Признаюсь, я никак, никак этого не ожидал, и от кого же? от вас, которого я полюбил как брата!

Во всю дорогу Артемий Семенович был очень печален. Глядя на него, мне стало его жалко. Однако выражение его лица делалось все веселее по мере того, как мы приближались к дому. Глаза его устремлены были на мою бричку, уже заложенную и стоявшую у крыльца. Меня поразили в ней какие-то странные прибавления, вроде ящиков, приделанных к колесам. Рассмотрев их внимательно и не понимая, что они значат, я обратился с вопросом к кучеру.

Артемий Семенович взялся за него отвечать.

– Это вам сюрприз, почтеннейший! – сказал он с довольным видом. – Доселе вы ездили в вашей бричке без всякой пользы; теперь у вас с одной стороны кофейная мельница, с другой – орган, и оба приводятся в движение

круговращением оси. Примите эти две машины в знак моего уважения и в доказательство, что я забываю вашу обиду.

Отговариваться было не время. Я радовался, что получил свободу, поблагодарил Артемия Семеновича и после многих объятий и гигиенических советов сел в свою бричку. Кофе в мельнице уже был насыпан, лошади тронулись с места, и орган заиграл:

Гром победы, раздавайся;
Веселися, храбрый росс!

При проезде через село мужики почтительно снимали передо мной шапки, мальчишки бежали за мною, и я с триумфом выехал из поместья Артемия Семеновича. Не нужно прибавлять, что в тот же день кофейная мельница сломалась, а орган перестал играть "Гром победы, раздавайся"; ось, к которой они были приделаны, покривилась, – и я принужден был остановиться в одной деревне для ее починки.

<1845>

**Задания заключительного этапа 16 Всероссийской олимпиады
школьников по литературе**

10 класс

2 тур

Сопоставительный анализ стихотворений

А.Н. Майков

Нива

По ниве прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цепкой лебедой.
Куда ни оглянусь – повсюду рожь густая!
Иду – с трудом ее руками разбирая.
Мелькают и жужжат колосья предо мной,
И колют мне лицо... Иду я, наклоняясь,
Как будто бы от пчел тревожных отбиваясь,
Когда, перескочив чрез ивовый плетень,
Средь яблонь в пчельнике проходишь в ясный день.

О, Божья благодать!.. О, как прилечь отрадно
В тени высокой ржи, где сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Беседу важную ведут между собой.
Им внемля, вижу я – на всем полей просторе
И жницы и жнецы, ныряя, точно в море,
Уж вяжут весело тяжелые снопы;

Вон на заре стучат проворные цепи;
В амбарах воздух полн и розана и меда;
Везде скрипят возы; среди шумного народа
На пристанях кули валятся; вдоль реки
Гуськом, как журавли, проходят бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бичевой по влаге ударяя...

О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,
Но, хлебом золотя простор ее полей,
Ей также, Господи, духовного дай хлеба!
Уже над нивою, где мысли семена
Тобой насажены, повеяла весна,
И непогодами несгубленные зерна
Пустили свежие ростки свои проворно.
О, дай нам солнышка! пошли ты ведра нам,
Чтоб вызрел их побег по тучным бороздам!
Чтоб нам, хоть опершись на внуков, стариками
Прийти на тучные их нивы подышать,
И, позабыв, что мы их полили слезами,
Промолвить: "Господи! какая благодать!"

1842

К.К. Случевский

* * *

Полдневный час. Жара гнетет дыханье;
Глядишь, прищурясь, – блеск глаза слезит,
И над землею воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит.

И тени нет. Повсюду искры, блески;
Трава слегла, до корня прожжена.
В ушах шумит, как будто слышны всплески,
Как будто где-то подле бьет волна...

Ужасный час! Везде оцепененье:
Жмет лист к ветвям нагретая верба,
Укрылся зверь, затем что жжет движенье,
По щелям спят, приткнувшись, ястреба.

А в поле труд... Обычной чередою
Идет косьба: хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдою, –
Другого слова нет его назвать...

Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймет,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

**Задания заключительного этапа 16 Всероссийской олимпиады
школьников по литературе**

10 класс

3 тур

1. ***Определите, в каких произведениях русской литературы XIX века звучат приведенные ниже песни. Необходимо назвать произведение и его автора.***

А). Когда еще я не пил слез из чаши бытия...

Б). Распашу я, молода-молоденька,
Землицы маленько;
посею, молода-молоденька,
Цветика аленька.

В). Матушка, голубушка, солнышко мое,
Пожалей, родимая, дитяtko твое!

Г). Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Д). Среди долины ровныя, на гладкой высоте...

2. ***Соотнесите произведения русской литературы XIX века с именами композиторов, создавших оперы на материале данных произведений.***

Снегурочка
Демон
Борис Годунов
Пиковая дама
Война и мир

П.И. Чайковский
Н.А. Римский-Корсаков
С.С. Прокофьев
А.Г. Рубинштейн
М.П. Мусоргский

3. ***Дайте историко-культурный комментарий к стихотворению Ф.И. Тютчева.***

Ф.И. Тютчев

Современное

Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,
И ликует Цареград.
И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.
Угощает он на славу
Милых западных друзей —
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей.
Из премудрого далека
Франкистанской их земли
Погулять на счет пророка
Все они сюда пришли.
Пушек гром и мусикия!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал.
И при криках исступленных
Бойкий западный разгул
И в гаремах потаенных
Двери настежь распахнул.
Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!
И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат. . .
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!
И всех ярче и милее
Светит тут звезда одна,
Коронованная фея,
Рима дочь, *его* жена.
С пресловутого театра
Всех изяществ и затей,
Как вторая Клеопатра,
В сонме царственных гостей,
На Восток она явилась,
Всем на радость, не на зло,
И пред нею все склонилось:
Солнце с Запада взошло!
Только там, где тени бродят
По долинам и горам
И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам, —
Только там, где тени бродят,
Там, в ночи, из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан. . .

Октябрь 1869

4. *Напишите статью в филологический научный журнал на тему: «Гротеск в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина».*
5. *Предложите свой вариант ответа на письмо Д.В. Григоровича.*

Д.В. Григорович – А.П. Чехову
25 марта 1886 г. Петербург
(фрагмент)

Милостивый государь Антон Павлович.

Около года тому назад я случайно прочел в "Петербургской газете" Ваш рассказ; названия его теперь не припомню; помню только, что меня поразили в нем черты особенной своеобразности, а главное – замечательная верность, правдивость в изображении действующих лиц и также при описании природы. С тех пор я читал все, что было подписано *Чехонте*, хотя внутренне сердился за человека, который так еще мало себя ценит, что считает нужным прибегать к псевдониму. Читая Вас, я постоянно советовал Суворину и Буренину следовать моему примеру. Они меня послушали и теперь, вместе со мною, не сомневаются, что у Вас *настоящий* талант, – талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения. Я не журналист, не издатель; пользоваться Вами я могу только читая Вас; если я говорю о Вашем таланте, говорю по убеждению. Мне минуло уже 65 лет; но я сохранил еще столько любви к литературе, с такой горячностью слежу за ее успехом, так радуюсь всегда, когда встречаю в ней что-нибудь живое, даровитое, что не мог – как видите – утерпеть и протягиваю Вам обе руки. Но это еще не все; вот что хочу прибавить: по разнообразным свойствам Вашего несомненного таланта, верному чувству внутреннего анализа, мастерству в описательном роде (метель, ночь и местность в "Агафье" и т. д.), чувству пластичности, где в нескольких строчках является полная картина: тучки на угасающей заре – "*как пепел на потухающих углях...*" и т.д. – Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий. Для этого вот что нужно: уважение к таланту, который дается так редко. Бросьте срочную работу. Я не знаю Ваших средств; если у Вас их мало, голодайте лучше, как мы в свое время голодали, поберегите Ваши впечатления для труда обдуманного, обделанного, писанного не в один присест, но писанного в счастливые часы внутреннего настроения. Один такой труд будет во сто раз выше оценен сотни прекрасных рассказов, разбросанных в разное время по газетам; Вы сразу возьмете приз и станете на видную точку в глазах чутких людей и затем всей читающей публики. В основу Ваших рассказов часто взят мотив несколько цинического оттенка, к чему это? Правдивость, реализм не только не исключают изящества, – но выигрывают от последнего. Вы настолько сильно владеете формой и чувством пластики, что нет особой надобности говорить, например, о грязных ногах с вывороченными ногтями и о пупке у дьячка. Детали эти ровно ничего не прибавляют к художественной красоте описания, а только портят впечатление в глазах читателя со вкусом. Простите мне великодушно такие замечания; я решился их высказать потому только, что истинно верю в Ваш талант и желаю ему ото всей души полного развития и полного выражения. На днях, говорили мне, выходит книга с Вашими рассказами; если она будет под псевдонимом *Че-хон-те*, – убедительно прошу Вас телеграфировать издателю, чтобы он поставил на ней настоящее Ваше имя. После последних рассказов в "Новом времени" и успеха "Егеря" оно будет иметь больше успеха. Мне приятно было бы иметь

удостоверение, что Вы не сердитесь на мои замечания, но принимаете их как следует к сердцу точно так же, как я пишу Вам неавторитетно, – по простоте чистого сердца.

Жму Вам дружески руку и желаю Вам всего лучшего.

Уважающий Вас

Д. Григорович.